

Алгоритмы оценки доказательств судьей как наследие устава уголовного судопроизводства 1864 года

Algorithms for Evaluation of Evidence by a Judge as a Heritage of the Charter of Criminal Proceedings of 1864

Брянская Е.В.

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД РФ

Bryanskaya Elena Vasilievna

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Аннотация

В настоящее время не угасают в своей актуальности вопросы оценки доказательств. Оценка доказательств на основе внутреннего убеждения правоприменителя видится в качестве формирования судейского убеждения в зависимости от аргументирующей силы конкретного источника доказательств. В силу принципа свободы оценки доказательств ни одно из доказательств не имеет заранее преимущественной силы. Судебная практика демонстрирует нам, что судьи выносят итоговые решения, но не обосновывают должным образом, каким образом было сформировано их внутреннее убеждение, как в их сознании складывается картина убедительности по уголовному делу. В этой связи, проведя анкетное исследование, интервьюирование судей, мы предлагаем следующее видение судейских алгоритмов оценки доказательств.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказывание, оценка доказательств, внутреннее убеждение судьи, алгоритм оценки доказательств, недопустимые доказательства.

Abstract

At the present time, the issues of evaluating evidence are not fading away in their relevance. Evaluation of evidence based on the internal conviction of the law enforcement officer is seen as the formation of judicial conviction, depending on the arguing power of a particular source of evidence. By virtue of the principle of freedom to evaluate evidence, none of the evidence shall prevail in advance. Judicial practice shows us that judges make final decisions, but do not properly substantiate how their inner conviction was formed, how a picture of credibility in a criminal case is formed in their minds. In this regard, after conducting a questionnaire study, interviewing judges, we offer the following vision of judicial algorithms for evaluating evidence.

Keywords: criminal proceedings, proof, evaluation of evidence, inner conviction of a judge, algorithm for evaluating evidence, inadmissible evidence.

Известный профессор, д-р филос. наук С.П. Лебедев написал: «Исследовательская активность подчинена довольно жестким алгоритмам, управляющим познающими субъектами независимо от их воли и сознания» [1]. Возможно, в свете философской науки такое положение является актуальным. Тогда как в уголовно-процессуальной деятельности, как правоприменительной, алгоритмизация процесса познания в свете

доказывания, выступающей активной мыслительной деятельностью, существует в прямой причинной связи с волей, уровнем правосознания и внутренним убеждением. Достаточно часто в практической деятельности мы встречаемся с понятием «алгоритм». Например, в уголовно-процессуальной, криминалистической литературе мы можем встретить такие понятия, как «алгоритм следственных действий», «алгоритм продления процессуальных сроков». Можно полагать, что в уголовном процессе в качестве алгоритма видится система упорядоченных действий на основании Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Алгоритмизация, применительно к практической деятельности, вносит своим содержанием упорядоченность.

Для нас видится познавательным вопрос, который касается алгоритма оценки доказательств. В этой связи хотелось бы обратить внимание на то, что содержание термина «алгоритм» в аспекте процесса доказывания сводится к последовательности действий участника уголовного судопроизводства, основанной на нормах действующего УПК РФ, преследующей цель вынесения законного, обоснованного и справедливого решения по уголовному делу. Мы упоминаем «решения» именно потому, что любой вид приговора – это решение и не всегда производство по уголовному делу завершается обвинительным или оправдательным приговором, это может быть и прекращение уголовного дела, к примеру, на досудебных стадиях уголовного процесса. Анализируя действующий УПК РФ, современную практику применения, можно полагать, что алгоритм в процессе доказывания – это система последовательных действий в процессе доказывания по уголовному делу на основании регламентированных УПК РФ свойств доказательств, способ оценки доказательств, конечной целью которой является законное, обоснованное решение.

Практический аспект уголовно-процессуальной алгоритмизации заключается в методике теории алгоритмов, которая позволяет осуществить рациональный выбор формирования внутреннего убеждения при вынесении решения.

Но возникает вопрос, что послужило источником выработки системы алгоритмов в процессе доказывания? А ответ простой, мы все отлично понимаем, что еще в 1864 г. Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС) внес серьезные коррективы в нашу национальную правовую систему. Устав 1864 г., когда в период правления Александра II свершилась великая судебная реформа, позволил раскрыться потенциалу состязательных возможностей. Фактически прекратила свое существование формальная теория доказательств, вступила в силу реализация состязательности сторон и вынесения итогового решения по уголовному делу на основании внутреннего убеждения суда.

Впервые в истории права России доказательства оценивались по внутреннему убеждению судей, что имеет место и в настоящее время. Данное законодательное положение нашло глубокое научное исследование в трудах А.Ф. Кони, который был современником судебной реформы и получал юридическое образование по судебным уставам. А.Ф. Кони в своих научных трудах справедливо писал о том, что «именно свобода внутреннего убеждения перевернула юридическое мировоззрение в России, позволила разрушить бюрократический характер уголовного процесса, сделала его живым и приближенным к потребностям общества. Переход от формальных доказательств к их оценке по внутреннему убеждению сделало возможным воспринимать все разнообразие жизни такой, какая она есть на самом деле, а не уравнивать и упрощать по формальным основаниям» [2].

Основы алгоритмизации процесса доказывания, которые были заложены Уставом 1864 г. и нашли свое отражение в современном УПК РФ, который был принят в 2001 г. Если провести анализ и сопоставление статей УУС и УПК РФ, получается воспроизведение, имеет место факт исторической преемственности.

«630. Прокурор или частный обвинитель, с одной стороны, а подсудимый или его защитник - с другой, пользуются в судебном состязании одинаковыми правами.

736. Заключительные прения состоят:

- 1) из обвинительной речи прокурора или частного обвинителя;
- 2) из объяснений гражданского по делу истца и
- 3) из защитительной речи защитника или из объяснений самого подсудимого.

739. Прокурор в обвинительной речи не должен ни представлять дело в одностороннем виде, извлекая из него только обстоятельства, уличающие подсудимого, ни преувеличивать значения имеющихся в деле доказательств и улик или важности рассматриваемого преступления.

744. Защитник подсудимого объясняет в защитительной речи все те обстоятельства и доводы, которыми опровергается или ослабляется выведенное против подсудимого обвинение.

748. По изложении защиты подсудимым или его защитником как прокурор или частный обвинитель, так и гражданский истец могут представить свои возражения, но, во всяком случае, право последнего слова принадлежит подсудимому или его защитнику» [3].

В свете положений Устава 1864 г. судьи должны были определять вину или невинность подсудимого по внутреннему своему убеждению, основанному на обсуждении в совокупности всех обстоятельств дела.

Исходя из этого и в свете как исторической, так и современной практики применения, можно выделить следующие виды алгоритмов оценки доказательств.

Во-первых, деление доказательств на допустимые и недопустимые, исключение из совокупности доказательств тех, которые признаются недопустимыми. Однако, в практической деятельности имеет место проблема. Мы говорим, что в российской правовой системе нет прецедента. Тем не менее в настоящем УПК РФ процедура признания доказательств недопустимыми не урегулирована в полной мере, судьи руководствуются общими положениями закона и примерами, обзорами, установками вышестоящей инстанции. Более того, практики рассуждают о том, что судьи за очень редким исключением признают доказательства недопустимыми. И все же, в результате изучения уголовных дел для нас очевидно то, что по причине некачественного собирания доказательств они признаются недопустимыми, когда ненадлежащим образом разъясняются права, не обеспечено право на защиту, имеют место факты неправомерного использования фото при опознании, ошибки при получении заключения специалиста, в протоколах отсутствуют подписи следователя, в допросах не указаны источники осведомленности.

Алгоритм в аспекте признания доказательств недопустимыми заключается в том, что судья взвешивает, насколько существенные или несущественные нарушения имеют место для признания доказательства недопустимым.

В этой связи заметим, что практикой выработано и такое понятие, как «частично допустимые доказательства». А именно, если доказательство в целом соответствует правилам допустимости, но в нем обнаруживаются нарушения в незначительной части, суд по своему усмотрению может признать эту часть недопустимой. Недопустимая часть исключается из процесса доказывания, но само доказательство в целом не теряет своей юридической силы.

Имеет место и такое понятие, как «существенные нарушения». Авторы считают, что нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина является безусловным основанием недопустимости доказательства [4]. Мы можем полагать, что анализ судебной практики подтверждает: к существенным нарушениям уголовно-процессуального закона можно отнести нарушения принципов уголовного процесса, процессуальной формы, не связанные с фиксацией хода и результатов, а относящиеся к содержанию процессуального действия.

К несущественным нарушениям относятся незаконные отступления от установленного законом порядка, которые не затронули права и законные интересы

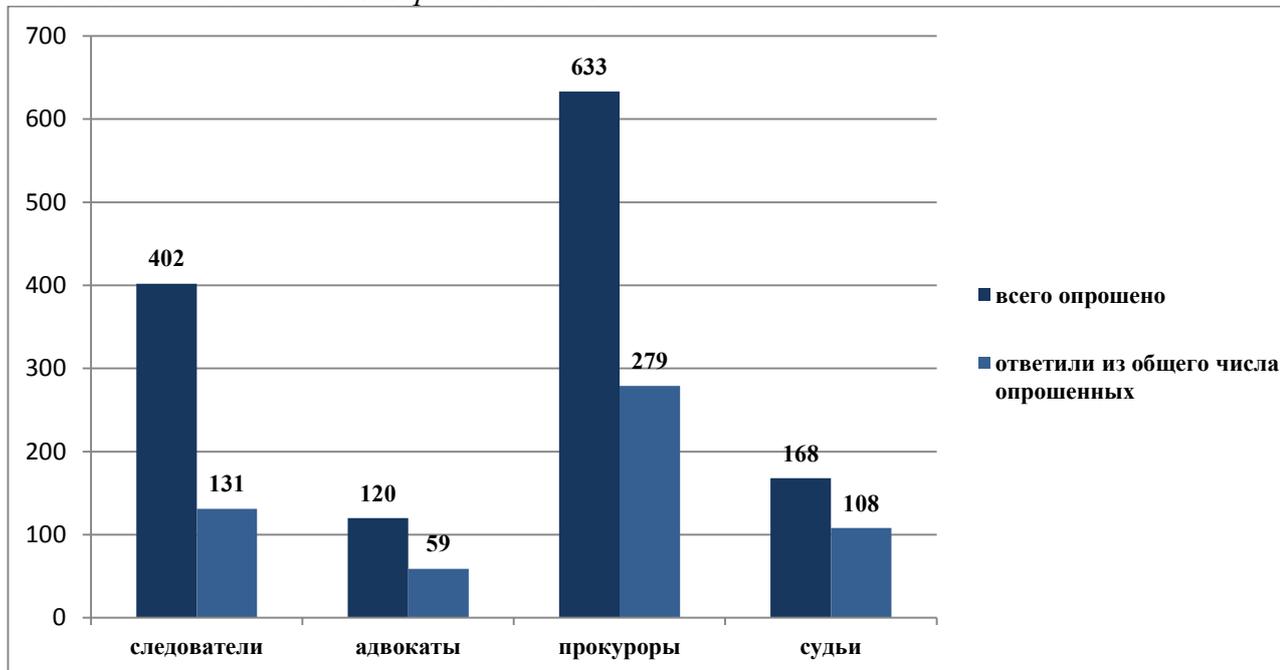
участников уголовного процесса, например, такие, как отсутствие указания на технические средства в протоколах, технические ошибки и опiski [5].

Следующий алгоритм – это так называемая судьями таблица «плюс, минус». Судья делит чистый лист пополам на две части и расписывает проходящие по уголовному делу доказательства в пользу обвинения и доказательства в пользу смягчения, а быть может и оправдания. Анализирует, что и в какую сторону больше перевешивает, формирует свое судебское усмотрение и выносит соответствующее решение.

Третий алгоритм: деление доказательств по убеждающей силе. И вот как раз на предмет данного алгоритма мы решили провести анкетное исследование. В частности, нами были опрошены судьи, прокуроры, адвокаты, следователи из десяти регионов России. Всего более 1000 чел.: следователи – 402, адвокаты – 120, прокуроры – 633, судьи – 168. Перед практическими работниками мы поставили более 20 вопросов. Один из них: в процессе исследования и оценки доказательств, какому источнику Вы придаете более убеждающее для Вас значение? Разумеется, мы все понимаем содержание закона и имеем представление о том, что ни одно из доказательств заранее не имеет преимущественной силы, но заметим – заранее.

В процессе исследования и оценки доказательств, какому источнику Вы придаете более убеждающее для Вас значение?

- все доказательства имеют равное значение

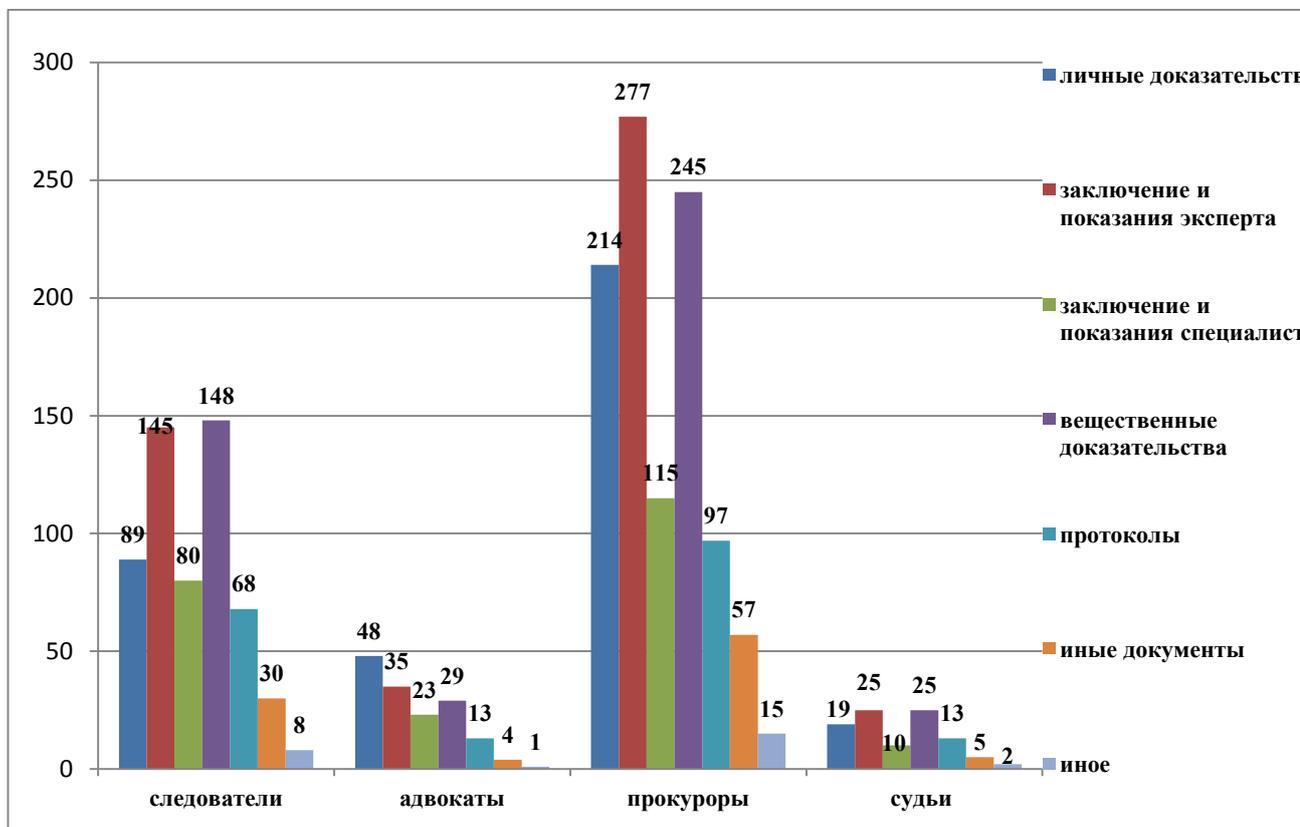

Процентное соотношение

следователи	адвокаты	прокуроры	судьи
32,58%	49,16%	44,07%	64,28%

Сводная диаграмма на предмет вопроса убеждающего значения доказательств

В то же время, а всегда ли это так. К примеру, по уголовному делу по факту изнасилования группой лиц, экспертиза микрообъектов была не в пользу потерпевшей. Но судья Кировского района г. Иркутска С.И. Бучнев посчитал так, что, либо образцы исследования собрали и сохранили не должным образом, либо имели место иные нарушения в процессе собирания доказательств. Несмотря на то, что заключение эксперта не было признано недопустимым доказательством, судья высказал свое мнение о том, что у него нет оснований не доверять показаниям потерпевшей и наиболее убеждающим доказательством послужили показания потерпевшей.

Интерес представляет и наше историческое наследие. Особое значение возымели произведения Ф.М. Достоевского, который был ближайшим другом А.Ф. Кони и практически все тонкости, как процессуальные, так и психологические внимал от своего

единомышленника. Анатолий Федорович оказывал максимальное взаимодействие, поддержку великому писателю, и большинство процессуальных эпизодов произведений основаны на опыте, советах известного юриста, судебного оратора, автора интереснейших трудов.

Ф.М. Достоевский интересовался процессуальной и мотивационной составляющей сущности отдельных преступлений. А.Ф. Кони оказывал серьезное содействие и в том, что помогал посетить известному писателю «колонию для малолетних преступников» на Охте, где Федор Михайлович пытался познать особую психологию и «теорию воспитания». Посредством таких наблюдений удавалось воссоздать интересные образы в своих высокохудожественных произведениях. Именно поэтому о величайших заслугах знаменитого юриста мы можем знать как из его личных трудов, а также и в свете произведений Ф.М. Достоевского [6].

Вспоминая роман «Братья Карамазовы», интересен ход судебного разбирательства по обвинению Дмитрия Карамазова в отцеубийстве. Как поворачивается в обратную сторону сущность рассматриваемого уголовного дела после показаний Екатерины Ивановны. В руках Катерины Ивановны оказывается письмо, которое можно было интерпретировать с разных позиций, как в пользу поддержания обвинения, так и в свете оправдания. И в силу личного отношения к подсудимому Екатерина Ивановна ещё не знает, как следует выступить в суде и нужно ли что-то говорить, упоминать письмо. Кем же она окажется в судебном разбирательстве: «вызволительницей» или «погубительницей». В рамках судебного заседания исследуются показания свидетелей. Показания свидетелей не позволяют прояснить всей картины происшедшего, но все же все обстоятельства формируются в пользу защиты Дмитрия.

Далее следует выступление Ивана Федоровича, которое поражает своей эмоциональностью. Очевидно, что после душераздирающих мыслей, сомнений, он дает показания в суде о том, что убийство совершено Смердяковым, которого и не вызовешь для дачи показаний в суд, поскольку он мертв, «повесился». В качестве довода Иван Федорович предоставляет в суде деньги. «Смердяков убил, говорит он, а я научил. Он бредит в горячке». Ивана Федоровича уводят из зала судебного заседания силой. И самым непредсказуемым является выступление Екатерины Ивановны. Она предоставляет для исследования и довода виновности так называемый документ «математической» важности. Письмо, полученное от Дмитрия, по содержанию которого очевидна угроза в убийстве отца. Показания Екатерины и письмо, как никакое иное доказательство по уголовному делу оказывают убеждающее воздействие на судейское усмотрение, являются более аргументирующими для суда и позволяют вынести обвинительное решение. Получается так, что Екатерина Ивановна «губит Дмитрия, чтобы спасти Ивана» [7]. На данном примере для нас очевиден факт необъективности в оценке доказательств. Присяжные признают Дмитрия виновным. Дмитрия осуждают.

Четвертый алгоритм в свете ключевых доказательств. В уголовно-процессуальной деятельности мы регулярно слышим такое понятие, как «ключевое доказательство». Еще в 2018 г. удалось выступить на конференции в Российском государственном университете правосудия и нами предлагалось видение понимания ключевых доказательств. Мы предлагаем понятие и признаки ключевых доказательств, но подчеркнем, что понимание ключевых доказательств не должно сводиться к формализации доказательств.

В решениях Европейского суда регулярно мы сталкиваемся с использованием термина «ключевое доказательство». Например, по одному из уголовных дел указывается на утрату ключевых доказательств. А именно по делу «Денис Васильев против России» Европейский суд установил, что органами внутренних дел не был своевременно осуществлен осмотр места происшествия. При этом, исследуя обстоятельства дела, Европейский суд отметил, что преступление в отношении Васильева было совершено 29 июня, а осмотр места происшествия был произведен только 18 июля. Кроме того, в ходе доследственной проверки опрос пострадавших до возбуждения

уголовного дела не проводился, меры по установлению потенциальных свидетелей приняты не были. Первоначальная задержка возбуждения уголовного дела повлекла потерю драгоценного времени и сделала невозможным получение доказательств относительно происшествия. При этом и после возбуждения уголовного дела ряд важнейших следственных действий, таких как описание места преступления и опрос соседей, не был совершен [8].

Концепция «ключевых доказательств» заставляет нас задуматься о классификации доказательств на прямые и косвенные. А в большей степени о том, что ключевые доказательства – это те, которые относятся к главному факту по уголовному делу.

Обратим внимание на то, что есть так называемые обязательные для собирания доказательства, они также имеют силу ключевых. Так, в ст. 196 УПК РФ закреплено, что назначение и производство судебной экспертизы обязательно, если необходимо установить: причины смерти; характер и степень вреда, причиненного здоровью и т.д. Соответственно, поскольку закон предусматривает обязанность по конкретному уголовному делу производить экспертизу, такие заключения эксперта будут являться ключевым источником, видом доказательств, которое на уровне внутреннего убеждения судьи будет иметь достаточно весомую юридическую силу при их оценке в совокупности с другими доказательствами на предмет относимости, допустимости, достаточности и достоверности [9].

Интерес представляет справедливое мнение П.С. Элькинд, которая писала о ходе предварительного расследования и о том, когда правомерно приостанавливать или прекращать производство по уголовному делу. Например, ключевыми доказательствами в таких случаях могут выступать данные, предполагающие доказанным факт психического или иного тяжелого болезненного состояния [10]. В связи с этим ключевым доказательством будет в случае подтверждения болезненного состояния заключение врача о необходимости, например, госпитализации, а в случае наличия психического заболевания – заключение эксперта.

Кроме того, в судебно-следственной практике однозначно решается вопрос об устранении противоречий в ранее данных показаниях. В таких случаях обязательным будет проведение очной ставки. Так, в ст. 192 УПК РФ регламентировано: если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия, то следователь вправе провести очную ставку. Слово «вправе» не подразумевает обязанность, а отдает этот вопрос на усмотрение лица, производящего расследование. Для нас очевидно, что закон представляет право следователю, не обязывая его в этом. Тем не менее судебно-следственная практика идет по пути обязательного устранения противоречий и сомнений, что позволяет наиболее точно и конкретно судить о достоверности данных показаний участниками уголовного процесса. Как писала П.А. Лупинская: «В процессе доказывания совершается переход от вероятных, предположительных суждений к достоверным выводам как об отдельных обстоятельствах дела, так и обо всех обстоятельствах, подлежащих установлению» [11]. Так, возможно и результаты очной ставки будут выступать ключевыми доказательствами.

На основании изложенного мы предлагаем следующее определение ключевых доказательств по уголовному делу в свете УПК РФ. Ключевые доказательства – это сведения, которые имеют содержание прямых доказательств, либо могут быть установлены или подтверждаться опосредованно косвенными доказательствами по уголовному делу, обладающие наибольшей ценностью, как с точки зрения познания, так и аргументации своей позиции стороной в уголовном судопроизводстве.

Все доказательства оцениваются судьей в их совокупности, тем не менее особенность ключевых доказательств заключается в том, что они: определены в УПК РФ; являются самостоятельным источником доказательств; обладают высокой степенью информативности и без них не представляется возможным установить действительные обстоятельства совершенного преступления; обладают правоустанавливающим

основанием; влекут определенные законом процессуальные гарантии, например, в случае установления возраста несовершеннолетнего или наличия психического заболевания; благодаря тому, что содержат исследовательскую часть эксперта, содержат объем информации тех знаний, которыми не владеют на профессиональном уровне ни дознаватель, ни следователь, ни судья; на уровне внутреннего убеждения судьи имеют аргументирующую, наиболее убеждающую юридическую силу.

Для нас очевидно то, что все эти виды алгоритмов по оценке доказательств основываются на том положении, которое пришло к нам из норм Устава 1864 г., в большей степени до сих пор не теряют своей актуальности положения ст. 766: «судьи должны определять вину или невинность подсудимого по внутреннему своему убеждению, основанному на обсуждении в совокупности всех обстоятельств дела».

В этой связи вспоминается историческая мудрость о том, что споры могут быть бесконечными, но не потому, что невозможно найти истину, а потому что спорящие ищут не истину, а самоутверждение.

И хотелось бы отметить то, что в настоящее время Верховный Суд РФ придает серьезное значение вопросам обоснования в процессе доказывания. И все перечисленные алгоритмы, они всегда должны сопровождаться обоснованием. Тем более, в тех условиях процесса доказывания, когда приходится сталкиваться с оценочными суждениями. К примеру, то же алиби, иногда выступающее одним из ключевых доказательств, должно подтверждаться совокупностью всех признанных допустимыми доказательств по уголовному делу.

Литература

1. *Лебедев С.П.* Алгоритмы познания. Физический исследовательский алгоритм // Вестник русской христианской гуманитарной академии. – 2014. – Т. 15. – Вып. 1. – С. 67–77.

2. *Кони А.Ф.* Закон и справедливость. Статьи и речи. – Москва: Эксмо, 2019. – 640 с.

3. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. [Электронный ресурс] // <https://biblioclub.ru/index.php?page=book>

4. *Лупинская П.А.* Основания и порядок принятия решений о недопустимости доказательств // Российская юстиция. – 1994. – № 1. – С. 4–5.

5. *Брянская Е.В.* Основы процесса доказывания в свете судебной практики по уголовным делам: монография / Е.В. Брянская, А.А. Алтунина. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – 222 с.

6. *Кони А.Ф.* Воспоминания о писателях. – Л.: Лениздат, 1969. – 496 с.

7. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы [Электронный ресурс] // <https://klassika.ru/read.html?proza/>

8. *Савельев П.П.* Вопросы получения, исследования и оценки доказательств в уголовном судопроизводстве в контексте решений Европейского суда по правам человека // Актуальные проблемы расследования и профилактики преступлений: сборник трудов конференции. – Пенза. 25 апреля 2017 г. – С. 99.

9. *Брянская Е.В.* Аргументирующая сила обязательных доказательств в уголовном судопроизводстве России // Российская юстиция. – 2016. – № 10. – С. 53–56.

10. *Элькинд П.С.* Сущность советского уголовно-процессуального права. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 171 с.

11. *Лупинская П.А.* Доказывание в советском уголовном процессе. – Москва: [Б.И.], 1966. – 102 с.